

О. Виноградова

ОГНЕВ, РОЗАНОВ И НИКПЕТОЖ: ОБ ИМЕНАХ И ПСЕВДОНИМАХ АВТОРА «ДНЕВНИКА КОСТИ РЯБЦЕВА»

Биографический очерк, посвященный Н. Огневу (1888–1938), автору школьной повести «Дневник Кости Рябцева» (1927). В очерке содержатся сведения о семье и детстве писателя, о его литературной и педагогической деятельности вплоть до 1929 г., когда в свет выходит вторая часть «Дневника...» — повесть «Исход Никпетожа». Очерк составлен на основе собственного архива Н. Огнева и архива его брата С. Г. Розанова, хранящихся в РГАЛИ. Анализ документов, собранных Огневым во время работы в школе, позволяет уточнить соотношение художественного и документального в произведении, по-новому оценить его художественные особенности. Кроме того, становится возможным проследить в повести автобиографические мотивы и утверждать, что в образах персонажей и строении сюжета отражены изменения в отношении писателя к формирующемуся советскому обществу 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Н. Огнев, М. Г. Розанов, «Дневник Кости Рябцева», детская литература 1920-х гг., школьная повесть, Дальтон-план.

В 1920-х гг. авторство школьной повести «Дневник Кости Рябцева», написанной в форме дневника пятнадцатилетнего подростка, то и дело вызывало сомнения — книгу не раз принимали за настоящие откровения школьника. Даже первая публикация произведения не обошлась без казуса. Редакторы журнала «Красная Новь», в котором «Дневник...» выходил частями в 1926 — начале 1927 г., напечатали отрывок повести в разделе «От земли и городов», куда обычно помещали письма и документальные рассказы [Красная новь 1926, № 8, с. 167–193]. Писателя Н. Огнева, приславшего «дневник», лишь похвалили за прекрасную редактуру [РГАЛИ Ф. 1408. Оп. 1. Д. 158. Л. 9]. Не доверяли имени автора на обложке и неискушенные читатели: на молодежных литературных диспутах Костю Рябцева не раз призывали высказаться о спорных местах его записок.

Н. Огнев сначала воспринимал эту путаницу с юмором: она вполне совпадала с его собственными склонностями к мистификации. Не зря же писатель пользовался псевдонимом, да еще и загадоч-

В некоторых из многочисленных писем, полученных редакцией библиотеки "Огонек" по поводу книжки Л. Огнева "ГИБЕЛЬ ЛОРДА ДАЛЬТОНА" (Дневник Кости Рябцева) — выразилось сомнение в подлинности дневника; написано он будто бы не настоящим человеком, а вовсе не мальчиком, учеником 5-ой ступени.

Такое мнение обстоятельно опровергается письмом, полученным редакцией от самого автора дневника. Само собой разумеется, что редакция не считает нужным открывать настоящие имя подростка, написавшего приведенное письмо и оставившего за ним давший ему Н. Огневым повязанном. Вот это письмо.

Уважаемая библиотека "Огонек".

Выпущенная вами книжка под заглавием "ГИБЕЛЬ ЛОРДА ДАЛЬТОНА" есть не что иное, как мой собственный дневник, потерянный мной еще в середине 1924 года. Это были три тетрадки, озаглавленные между собой веревкой, и я ездил на трамвае и на уронии. Кто их напечатал — не знаю, а подписанная какой-то Н. Огнев.

Я еще тогда, в 24-м, записался в вечеры и, конечно, мог бы сам вам привезти или прислать вам этот дневник, но я тогда не хотел извещать никого, потому что не думаю, что ~~каким-нибудь~~ из этого может выйти книжка. Но когда она вышла, я даже не под своим именем и должен сказать, что Н. Огнев много перепутал и добавил от себя. Я не знаю, есть ли такое авторское право, только, например, такого инцидента, что меня назвали бесповоротным, на самом деле я не был. Потом, все, что касается моих отношений с ~~Эммануэлем~~ Зин-Галовой, все перепутано.

Мы читали все это вместе с Сильвой Д. / Мы теперь разлучились и живем вместе, ведь нам по 13 лет / И она тоже говорит, что много наивно. Мне хочется задать вопрос, имеет ли право Н. Огнев привлекать от себя. А потому мне хотелось бы спросить у Н. Огнева! — А что дальше в нашей школе было. И он, наверно, ответит в ту минуту, потому что не знает. А я не только знаю, я даже вынул дневники из коробки, в которой они есть, в виде четырех тетрадок, которые я велалити и послал. Если кто-то хочет выдать, можете тоже выпустить книжку под ~~каким-нибудь~~ названием. Только, если вы опять оставите редактировать Н. Огневу, то скажите ему, чтобы он ничего не окрещивал и не прибавлял от себя, потому что я уже опытный писатель и могу даже и печатать значащие свои статьи.

Кроме того, послал редакции четыреста тридцать пять / (435) написанных мной откровенней для изданий. Некоторое можно исключать. Если в одну книжку не войдет, то можно в две или в три. Как я и Сильва сейчас живем в Харьковке, то лично в редакцию и прийти не могу, а то только так сразу, по 1 рублю за строчку прошу выслать мне в Харьков. За дневники я думаю, вы товарищи не платите, потому что это вопрос общественной и это надо осветить.

Наша школа сейчас реорганизована в семилетку, и все уже по-другому, и не интересно.

С товарищеским приветом —
Константин Рябцев.

Харьков, 1926.

Черновик предисловия к публикации 2-й части «Дневника Кости Рябцева» «Разгром капустника»

ным — со всего одним нерасшифрованным инициалом. И не случайно он дал учителю Кости Рябцева, Николаю Петровичу Ожигову, имя столь схожее со своим, прозрачно намекнув, в ком из персонажей на самом деле стоит искать черты автора. В 1926 г. Н. Огнев думал предвратить одну из частей «Дневника» письмом от имени «нашедшегося» Кости¹: «Выпущенная вами книжка «Гибель лорда Дальтона» есть не что иное, как мой собственный дневник, потерянный мной еще в середине 1924 г. ... я должен сказать, что Огнев многое перепутал и добавил от себя... Наша школа сейчас реорганизована в семилетку, и все уже по-другому, не интересно...» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 4. Л. 9].

Однако всего год спустя Огнев уже не желал недоразумений. В предисловии ко второй книге о Косте, теперь поступившем в вуз, он собирался указать четко: «Костя Рябцев, его товарищи, его учителя — с начала до конца суть художнически выдуманные, созданные мною люди. <...> Никаких дневников у меня в руках не было и нет» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 4. Л. 7]².

Как показывает исследование архива Н. Огнева, это и так, и не так: дневников не было, повесть — полностью художественный текст, но в ее основу положен реальный опыт учителя школы II ступени. В 1923–1924 гг. Огнев действительно был «школьным работником»

в подмосковной школе-колонии. Подростковая манера речи и школьный сленг позаимствованы им у настоящих детей, школьный быт описан по мотивам реальных впечатлений. Более того, многие сюжеты и даже тексты (писем, стенгазет, школьных документов), появляющиеся в повести, взяты им из жизни, вставлены в произведение почти без обработки. А учитель литературы Никпетож во многом — alter ego самого автора.

Единственную опубликованную автобиографию Н. Огнев начинает словами: «В течение жизни мне пришлось носить много имен» [Писатели 1926, с. 215]. Это и правда так: Огнев успел побывать и юным революционером-подпольщиком с поддельными документами, и журналистом-многостаночником, публикующимся под разными псевдонимами, и педагогом-воспитателем, которому подопечные дают прозвища. Но главных имен в его жизни было все-таки два: настоящее — Михаил Григорьевич Розанов; и то, которым писатель стал регулярно подписывать произведения после революции, — Н. Огнев.

В течение жизни мне пришлось носить много имен; мне кажется, по этим именам можно судить о ходе моей жизни.

В детстве звали меня Антихристом, сокращенно — Антом; мальчишки на улице прозвали четвероглазым, за очки.

В 1907 г., когда я бежал из тюрьмы, товарищ отдал мне свой паспорт, и я стал Александром Куприяновым. В дальнейшем этот паспорт пришлось переменить, и в Петрозаводске, на нелегальной работе, я числился уже Константином Тепловым; заводские парни, узнав мою кличку «Николай», приделали к ней «второй» (у них уже был пропагандист Николай); так я стал Николаем Вторым. Задержан я был на Финляндской границе под именем Петра Ланипевича; перед арестом проживал в Ваммельярве, у скульптора Иннокентия Жукова, и он звал меня Игнатом, так как в паспорте значилось: Игнат Якубайтис.

На детской площадке в Москве ребяташки звали меня «Игоричем». В газетах работал я под разными псевдонимами, из которых «Н. Огнев» появился в 1912 г., кроме него были: Конквистадор, М. Дорогомилев и др.

В 1917 г. на фронте наборщики фронтовой газеты звали меня «Григорь Иваныч» по названию фельетона, который им понравился; а солдаты 55 дивизии именовали меня так; — «который лектор... не большевик, а вроде».

Во время грандиозных детских праздников в Москве 1918–1921 гг. ребяташки накрепко прилепили мне кличку: — Дядя Миша. В школе-колонии II степени я стал «Михгригом».

В 1922 г. воскрес, как писатель Н. Огнев.

По настоящему зовут меня так: Михаил Григорьевич Розанов. Мне 36 лет [Писатели 1926, с. 215–216].

Михаил Григорьевич Розанов родился в семье присяжного поверенного округа Московской судебной палаты³ Григория Ивановича Розанова. Михаил был вторым ребенком из десяти, у него было четверо родных братьев, и еще пятеро единокровных братьев и сестер.

Отец ревностно занимался воспитанием отпрысков: следил, чтобы дети делали гимнастику, обучал пению, заставлял осваивать столярные инструменты и печатать на пишущей машинке. Он приглашал в дом своих коллег, чтобы те учили детей фотографировать и переплетать книги. Но самой масштабной и эффектной затеей отца было издание семейного журнала. Название придумал сам Григорий Иванович: «Успех семьи Розановых», или, сокращенно, просто «Успех». Дети писали про школьные дела и повседневные игры, заполняли графу «Календарных и атмосферных сведений», составляли отчеты о том «Что мы ели, в течение недели». Существовали и серьезные разделы: художественно-литературный, куда помещались первые поэтические и прозаические опыты, и «официальный», посвященный политической и общественной жизни страны.

Н. Огнев. 1933 г. (РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 243. Л. 7)

Все пять старших братьев Розановых⁴ закончили Поливановскую гимназию — на тот момент одну из лучших гуманитарных школ Москвы. Она была известна высоким уровнем преподавания, творческой атмосферой и необычной личностью директора — Льва Ивановича Поливанова. Андрей Белый, также выпускник гимназии, писал про него: «не человек, а какая-то двуногая, воплощенная идея: гениального педагога» [Белый 1989, с. 260]. Страстный филолог и театрал, Поливанов не только заботился об уроках, но и старался побудить учеников к проведению «изящного досуга». Так, по воспоминаниям того же А. Белого, славу гимназии составлял шекспировский кружок. Под руководством директора гимназисты и выпускники изучали творчество Шекспира и ставили отрывки из его трагедий. Делалось это с такой страстью, что вскоре кружок стал известен и за стенами гимназии, превратился в «очаг шекспировского культа» [Белый 1989, с. 284] в Москве. Никпетож, который «любит Шекспира и уже куда его только не сует» [Огнев 1927, с. 245], явно идет по стопам знаменитого дореволюционного педагога.

Семья Розановых жила в Бутырской слободе — рабочей окраине, известной, прежде всего, зловещим исправительным учреждением — Бутырской тюрьмой. Именно в ней 19-летний Михаил Розанов, осужденный за издание подпольного социалистического журнала, провел год в одиночной камере. По иронии, этот же район в начале XX в. стал своеобразным «полигоном» для экспериментальной педагогики и внешкольной работы с уличными детьми. В 1907 г. в Вадковском переулке был открыт детский клуб общества «Сетлемент»⁵ — образовательный и досуговый центр, работавший на принципах детского самоуправления. В 1910 г. к заботам о детях подключилась и городская управа, создав Общество попечения об учащихся детях Бутырского района. В Бутырской слободе появились площадки для подвижных игр, детские театральные клубы, регулярные экскурсии. В этих инициативах добровольно участвовала районная молодежь, в том числе все старшие братья Розановы. Вышедший к тому времени из тюрьмы Михаил тоже не остался в стороне: он обучал детей новой заграничной игре — футболу, а позднее стал штатным «руководителем детских игр». Об этом цветисто вспоминает его младший брат Сергей Розанов:

Через всю Москву потянулись бесконечные колонны ребят — зрелище для того времени невиданное. Трамваи и извозчики пережидали, пока пройдут ребята. Недоуменные обыватели спрашивали у детей, куда их «гонят». Дети впервые выговаривали гордое слово «экскурсия».

Городовой поднимал руку в грязной перчатке и быстро опускал ее, — нечто среднее, не то брал под козырек, не то отмахивался: «наплевать, идите уж!» Вдоль детских рядов носился человек в черном плаще, а на плаще металлическая лента с надписью «руководитель детских игр» и герб Московской Городской Управы [РГАЛИ Ф. 1408. Оп. 1. Д. 158. Л. 5].

Правда, из-за недавней судимости Михаила с этой должности вскоре сняли, и он на несколько лет целиком ушел в газетную и журнальную работу. К детям он «возвратился» только с началом Первой мировой войны: работал в очагах для беженцев, писал и ставил пьесы в детском самодеятельном театре. Так продолжалось до 1916 г., когда, несмотря на сильную близорукость, Розанова все-таки призывали в действующую армию в качестве писаря.

Печататься Михаил Розанов начал рано. В 1906 г. ему, 17-летнему юноше, удалось пристроить в газету «Правда Божия» цикл стихотворений «Из песен о правде. Норвежская легенда» — стихи с социальным подтекстом, которые он выдал за перевод скандинавского фольклора. Потом он на некоторое время ушел «в подполье»: стал выпускать нелегальный журнал «Красное знамя», который в одиночку наполнял «политическими стихами и фельетончиками» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 6]⁶. За это, как уже упоминалось выше, он попал в тюрьму, но и там регулярно выпускал самопальные сатирические журналы для товарищей по неволе⁷.

После освобождения в 1909 г. Розанову удалось опубликовать написанный в бутырских застенках цикл стихов «Тюремные звоны». Стихи появились в журнале «Весна». Девиз «В политике — вне партий; в литературе — вне кружков; в искусстве — вне направлений» позволял главному редактору журнала Николаю Шебуеву публиковать самых разных авторов, в том числе и никому не известных⁸. Вопреки завету издания, в редакции «Весны» Розанов ненадолго объединился в одноименный кружок с прозаиком В. Лидиным и поэтами-футуристами Н. Асеевым, С. Бобровым. «Все мы были пасынками символистов. Каждый пошел своей дорогой» [Огнев 1933, с. 245], — напишет об этом Розанов в 1925 г.

В начале 1910-х Михаил Григорьевич покинул Москву и некоторое время работал главным редактором литературного журнала в Иркутске, а после возвращения начал печататься в крупных

Сцена из спектакля «Гайавата — вождь ирокезов» Н. Огнева. 1923. Художник спектакля — Н. Шифрин

московских газетах: «Столичная молва» и «Утро России». Для них он регулярно писал очерки или небольшие рассказы.

Именно в эти годы впервые появился псевдоним «Николай Огнев». В 1913 г. в «Столичной молве» им подписаны два рассказа: этюд «Костя воюет» [Огнев 1913а] (sic!) — о боевитом мальчике, разыгрывающем с друзьями Первую Балканскую войну, и обижаемым за свою активность нянькиным ухажером, и сатирический очерк «Курсиане» [Огнев 1913б] об учителях, уезжающих в заграничные экскурсии, чтобы потом в неустроенных сельских школах рассказывать бедствующим ученикам про виденные чудеса.

В 1914 г. именем Огнева подписана «зарисовка» о возвращении политзаключенного в Москву в тюремном вагоне.

На время Первой мировой войны и революции Михаил Розанов практически перестал писать («С начала империалистической бойни, я бросил писать: казалось бессмысленным» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 9], «этой родине я не захотел отдавать своего творчества» [Огнев 1933, с. 246]), а после 1917 г. печатался уже исключительно под псевдонимом «Н. Огнев», таким образом разделив две своих ипостаси — педагога и литератора.

Первый, Михаил Григорьевич, вернувшись из армии в пореволюционную Москву, снова стал воспитателем: работал районным инструктором по народному образованию, вел литературный кружок в комсомольском клубе, наконец, получил должность учителя литературы в одной из подмосковных школ. Второй, Н. Огнев, писал детские пьесы для театра Натальи Сац, публиковался в «Красной нови», «Огоньке», «Прожекторе», издал первую книгу рассказов в издательстве «Круг». Соединить опыт педагога и мастерство писателя, Огневу-Розанову удалось в самом успешном своем произведении — «Дневник Кости Рябцева».

О школе-колонии II ступени «Искра №3», в которой в 1920-х преподавал Михаил Григорьевич Розанов, мы знаем довольно много: ее директор Е. А. Кирпичникова⁹ с 1919 по 1924 гг. регулярно посылала статьи о жизни школы в бюллетень МОНО «Вестник просвещения»; кроме того, некоторые школьные документы сохранились в архиве Огнева.

«Искра» находилась в Воскресенском (сейчас Истринском) районе Подмосковья, недалеко от Ново-Иерусалимского монастыря. Она занимала одну из построек в бывшей усадьбе Саввы Морозова Покровское-Рубцово, кроме нее, в усадьбе проживала латышская сельскохозяйственная коммуна и располагались учебные ремесленные мастерские [Истринская земля 2004, с. 562–563]¹⁰.

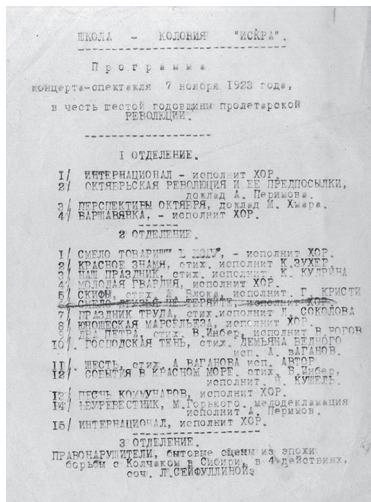
Основана школа-колония была в 1919 г. по образцу немецких «сельских воспитательных общин» (Landerziehungsheim, или LSH), дополнявших общеобразовательный план ремесленным и сельскохозяйственным трудом. Вот как описывает рождение «Искры» ее директор Е. Кирпичникова:

Зимой 1919 г. в Моно было принято решение устроить под Москвой 10–12 LSH для детей в возрасте школ второй ступени. Инструктора Моно объездили окрестности Москвы, отыскивая подходящие имения. Весною в закрепленные за Отделом имения стали выезжать группы школьников с руководителями. <...> разрушенные хозяйства, разграбленные дома требовали колоссальной затраты энергии для создания в них школ нового типа. Но те, кого не отпугнули трудности Робинзоновской работы, щедро вознаграждены результатами своего строительства. <...>

«Искра» расположена в живописной, холмистой местности близ станции Новоиерусалимская. Большой белый дом, светлый и уютный¹¹, несмотря на почти полное отсутствие какой-либо обстановки, стоит среди обширного парка, спускающегося террасами к реке Малой Истре, мелкой, но быстрой» [Кирпичникова 1919, с. 62].

Школа была устроена по принципу интерната, ученики (и юноши, и девушки) жили там всю неделю, многие — круглый год. При этом «Искра» не была детским домом в прямом смысле слова — не все ее воспитанники были сиротами или беспризорниками. Основной «костяк» составляли учащиеся расформированных городских училищ, дети учительства и мещанских семей. Всем воспитанникам было от 13 до 16 лет.

Учащиеся сами поддерживали порядок в доме: убирались в спальнях, стирали, кололи дрова, носили воду. Летом, вместо учебы,

Черновик программы концерта-спектакля школы-колонии «Искра» в честь шестой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1923 г. (РГАЛМ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 219. Л. 1)

вых форм, а ждали, пока решения «вырастут» естественным путем. Школа прошла через период «партийной системы» с диктатом одной из партий, и через несколько преподавательских бунтов, поднятых против заведенных учениками порядков. К 1922/1923 учебному году Е. А. Кирпичникова уже называет «Искру» «самоуправляющейся школьной общиной», у которой есть свои «Декларация прав» и «Конституция». Лозунг «Искры», указанный в этих документах: «С верой в грядущую жизнь — смело борись за свободу». Эмблема — искры, молот и книга [Кирпичникова 1922, с. 73–97].

Эксперименты в «Искре» проводились, естественно, не только в области школьного управления, но и с системой обучения. У колонистов, переживших революцию и пришедших в старшие группы из разных школ и с перерывом в занятиях, знания были разнородны и зияли большими пробелами. На подготовку домашнего задания у них уходило много сил и времени. Сначала учителя предложили «интенсивный метод»: несколько недель подряд посвящались наукам одного направления (например, только гуманитарным). Число часов по другим предметам уменьшалось, и по ним не задавали домашнего задания. Таким образом, ученики готовили не пять-

колонисты помогали в сельскохозяйственных работах коммуне, проживавшей в имении. С 1919 по 1924 гг. состояние дома и материальная база школы-колонии сильно улучшились (например, у школы появилась своя лошадь), физической нагрузки стало гораздо меньше, свободного времени и времени на учебу больше.

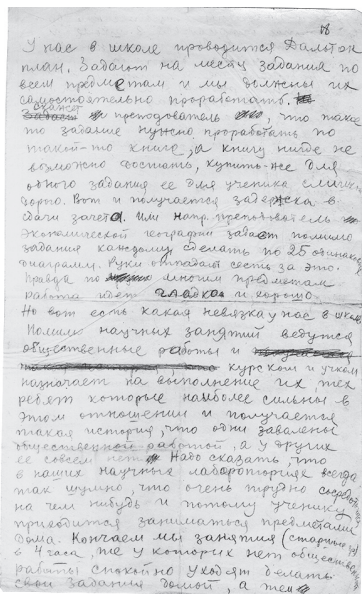
По словам Кирпичниковой, педагоги с самого начала обсуждали с воспитанниками, как будет строиться система школьного обучения, выясняли, какой ученики видят «идеальную школу». Самоуправление было одобрено сразу, но на практике реализовывалось медленно — педагоги не навязывали ученикам гото-

шесть предметов за раз, а два-три; меньше переключались, могли углубиться в одну тему, и в итоге лучше и быстрее справлялись с заданиями.

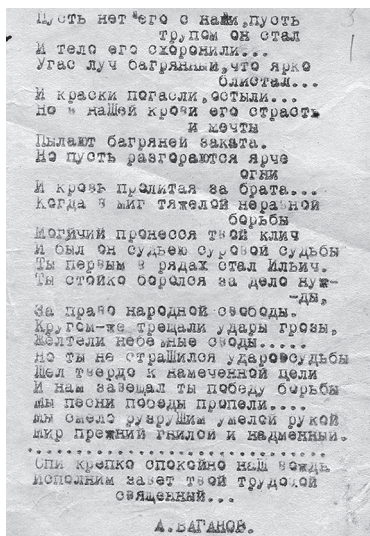
С 1923 г. к «интенсивному методу» добавился Дальтон-план. Нет нужды описывать его еще раз: все особенности и трудности, с которыми столкнулись ученики и школьные работники «Искры», описаны в «Дневнике...» более-менее точно. Но стоит отметить те мотивы, которые были у преподавателей, при введении этой системы. «Дальтон-план» позволил разделить группы на «максималистов» (тех, кто проходит предмет углубленно) и «минималистов» (изучающих предмет лишь до уровня минимальных требований, установленных МОНО) — то есть, по сути, дал возможность ученикам выбрать себе специализацию. У учителей не было иллюзий по поводу того, сколько выпускников школы начала 1920-х гг. смогут продолжить обучение в вузе:

Из II ступени туда попадает лишь незначительный процент; это либо платные студенты, либо единичные командировки профсоюзов. <...> Если мы, преподаватели II ступени, признаем, что дело обстоит так, то мы нравственно обязаны дать нашим ученикам, большинство которых заканчивает свое образование курсом второй ступени, не только запас знаний, большая часть которых скоро выветрится без дальнейшего углубления, а умение самостоятельно работать — раз, и увлечение той или иной отраслью знания — два [Кирпичникова 1923, с. 98–110].

Порядки, подобные тем, что были заведены в загородной школе «Искра № 3», были типичны для многих экспериментальных школ начала 1920-х гг. Тем не менее, можно утверждать, что прототипом школы Кости Рябцева была именно «Искра». Среди ее персонала

Жалоба на Дальтон-план, написанная учеником школы-колонии «Искра» (РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 215. Л. 18)

Стихотворение на смерть В. И. Ленина, написанное учеником второй группы школы-колонии «Искра» Алешей Вагановым

(Костя, как мы помним, тоже такие писал, но зачеркнул) [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 206. Л. 1].

Многоуровневая, оригинальная система школьной прессы, описанная в «Дневнике...», полностью совпадает с «искровской». В сохранившихся стенгазетах «Искры» легко найти и опрос о цели жизни, и заметку про самоуправление-«Репку», и школьный фольклор о мертвой девочке, явившейся доктору.

Многие происшествия (бунт против Дальтон-плана, возникновение «Союза», приступ массовой истерии, капустаники) либо упоминаются в записях Кирпичниковой, либо находятся в документах из архива Огнева.

Однако, в точности взяв из жизни школы многие сюжеты, Огнев опустил слишком специфические ее черты: интернат превратился в обычную общеобразовательную школу на полдня, пропали работы на земле и по дому, ушла романтика необычного местоположения колонии — в старинной разрушенной усадьбе на берегу реки вблизи большого монастыря. Писатель сделал упор на особенностях времени, а не места — и частная история со множеством реальных деталей превратилась для читателя в документ,

и учеников находятся прообразы персонажей «Дневника...». Е. А. Кирпичникова подходит на роль Зинаидиши — жестокого, но справедливого и любящего детей педагога и администратора. Учитель математики Алмакфиш напоминает Александра Максимовича Зайцева, учителя физики в «Искре», которого учащиеся называли Алмакзаем [Огнев 1924, с. 162]. Характеристика, в которой учителя называют Костю Рябцева «типичным подростком по Стэнли Холлу» [Огнев 1927, с. 65], почти дословно повторяет подлинный отзыв на ученика «Искры» Алешу Ваганова. Алеше принадлежат и хранящиеся в архиве Огнева стихи на смерть В. И. Ленина

изображающий всю молодежь и все советские школы реформенного периода.

«Н. Огнев, не сгущая ни черных, ни красных красок, сумел показать современную школу — в ее росте, в движении», — писал Г. Фиш в журнале «Звезда» в 1927 г. [Фиш 1927, с. 167]. «Произведение Н. Огнева — выдающийся художественно-общественный документ революционной эпохи, по которому можно составить ясное представление о жизни, быте и тенденциях развития советской молодежи в эпоху перелома», — поддерживал его Н. Замошкин в «Новом мире» [Замошкин 1927, с. 180], хотя там же и упрекал автора, что тот отчасти остался «в плену фактов, правдоподобных лишь в единичном, а не во всеобщем, смысле». Советским критикам вторили американские: «Книга Огнева не только произведение искусства, но, главное, социальный документ, Костя — это дитя зарождающейся советской культуры, он, словно в зеркале, отражает все противоречия новой эпохи» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 4].

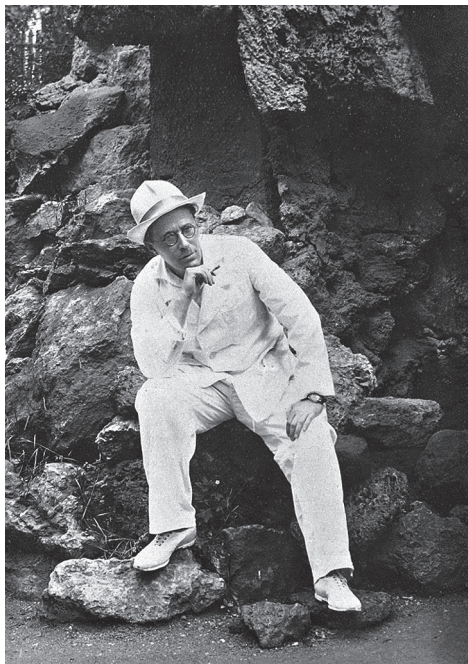
«Дневник Кости Рябцева» — не первое произведение Огнева о школе. Существует несколько более ранних рассказов 1920-х гг. Например, «Дело о мертведе» [Огнев 1925], в котором школьное собрание разбирает случай с найденным на дворе мертвым недоношенным младенцем. В рассказе «Крушение антенны» [Огнев 1925] учитель устанавливает на высокой сосне антенну, и принимаемые ею радиоволны сражаются с мистическими силами, которые притягивает в соседние леса и деревни высокий крест ближней церкви¹². По стилистике эти рассказы напоминают фрагментированную, «фонетическую» прозу Б. Пильняка, с которым Огнев дружил в 1910-х гг., и отчасти заимствуют синтетический метод Е. Замятина, призывавшего изображать современную реальность в сшибке с фантастическими элементами. В обоих произведениях показана растерянность и истеричность взрослых, потерявших ориентиры в послереволюционной действительности, и — на контрасте — собранность и рациональность детей, готовых спокойно справляться с непростыми ситуациями.

Когда в 1925 г., уже бросив преподавание в школе, Огнев взялся за «Дневник Кости Рябцева», он усложнил эту схему. Расстановка сил между взрослыми и детьми стала более сбалансированной: косность взрослых теперь компенсировалась наличием опыта, а молодости, кроме твердых убеждений, оказывались присущи еще и нелепые заблуждения.

Довольно резко Огнев поменял и художественные приемы. Будучи с начала 1920-х гг. близким к литературной группе «Перевал» и А. Воронскому, он тяжело переживал номенклатурные перипетии 1925 г. (образование РАППа, постановление Политбюро «О политике партии в области художественной литературы», раскол литобъединения «Кузница»), которые укрепили политическое положение литературных оппонентов «Перевала»¹³. Обеспокоило его и все более агрессивное и уже официально закрепленное использование ярлыка «писатель-попутчик», которое сразу же досталось многим близким Огневу литераторам и, очевидно, легко могло быть применено и к нему.

Осознанно или нет, но принявшись за повесть, Огнев отказался от прошлой орнаментальной манеры и решил целиком построить новое произведение на имитации подростковой речи. Взяв за основу жанр дневника, Огнев будто прислушался к советам самого авангардного литературного крыла — ЛЕФа. Именно представители Левого фронта искусств предлагали обратить внимание на биографии, переписку, репортажи, дневники; поменьше выдумывать и обобщать, но развивать «литературу факта» — представлять события не образами, а документами. И те же ЛЕФовцы широко использовали метод монтажа: превращали произведения в «огромную мозаику, состоящую из отдельных фактов, которые, собранные воедино, отображают *истинную* (курсив автора. — О. В.) картину реальности» [Заламбани 2006, с. 11]. «Дневник...» тоже вышел своего рода коллажем. Представим себе, как выглядели бы тетрадки с записями Кости Рябцева, существуя они на самом деле: раздувшиеся от всевозможных вклеек и вкладок, среди которых и школьные справки, и письмо в СПОН, и странички с журнальными рассказами¹⁴, и кусочки статей из стенгазет. Ту самую правдоподобность «Дневника...», которая смущала его читателей и заставляла искать «настоящего» автора, обеспечивали не только (и не столько) описания реальных характеров и происшествий, но выхваченные прямо из школьной жизни и смонтированные в единое целое обрывки устной и письменной речи.

А что же Никпетож? Является ли он сам «литературным фактом»? Задokumentировал ли Н. Огнев сам себя или смонтировал для сюжета другую личность? Сочиняя текст от лица Кости Рябцева, писатель мог создать свой идеализированный образ, или всерьез

Н. Огнев. 1933 г. Кисловодск.
Военный санаторий (РГАЛИ
Ф. 370. Оп. 1. Ед. 243. Л. 8)

посмотреть на собственную персону чужими глазами. Он, с очевидной иронией, сделал и то, и другое. Николай Петрович Ожигов — образец для подражания, идеальный учитель: демократичный, спокойный, к нему можно прийти с любым вопросом. Он не выбирает себе любимчиков, не придирается и всегда занимает сторону учеников. Костя Рябцев не раз повторяет: «Никпетож оказался, как всегда, умней всех», а первая часть повести заканчивается тем, что Никпетож «летит в воздух» — его дружно славят и качают.

Однако постепенно ситуация меняется: в течение летнего триместра Никпетож совершает неэтичный поступок и вынужден уйти из школы. Его подозревают в любовной связи с ученицей, и даже Костю Рябцева он непедагогично делает поверенным своей тайны. У этого сюжета, как и у многих других в книге, есть фактическая подоплека: в архиве Огнева находятся письма от учеников [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–3], по которым вполне можно предположить, что причина скорого ухода М. Г. Розанова с поприща преподавателя II ступени была та же, что и у Никпетожа. Когда учитель Ожигов признает перед Костей свои ошибки — «Я на некоторое

время поставил личное выше общественного...» [Огнев 1927, с. 249], можно подумать, что автор и сам объясняется с молодым поколением.

В «Дневнике Кости Рябцева» это щекотливое отражение автора в персонаже похоже на игру: можно заподозрить, что автор наделил Никпетожа собственными чертами и недостатками, а можно не придавать этому особого значения. Эта деталь тонет среди выпукло-правдоподобных и не менее интригующих приключений подростка пубертатного возраста. То, что Огнев вкрапляет в «Дневник...» человеческие слабости наравне с другим фактическим материалом, одна из самых обаятельных черт книги и, на самом деле, один из секретов ее успеха у читателей.

Однако чуть позже двусмысленные отношения автора и персонажа разрастутся до отдельного сюжета. На волне успеха «Дневника...» Огнев пишет продолжение «приключений» своего героя, теперь уже поступившего в вуз. Хотя рассказчиком и формальным главным героем в них остается Костя Рябцев, в центре оказывается фигура «мятущегося интеллигента» Никпетожа. Вопрос о том, как выжить в обществе, требующем от своих членов не просто вовлеченности в строительство нового мира, но абсолютной верности все более жестоким идеалам и нормам, затмевает для писателя вопрос о том, каким вырастает в этом обществе юный человек¹⁵.

При этом во второй части Никпетож теряет черты Огнева, жизнь персонажа перестает (даже в мелочах) совпадать с тем, что происходит с самим писателем. В советском обществе автор находит для своего alter ego роль, которая точно не подошла бы ему самому. К политической ситуации 1930-х они приспосабливаются оба, но очень разными способами.

Это, впрочем, уже другая история.

Примечания

¹ Письмо готовилось как предисловие редакции для книжной серии «Библиотека «Огонек»». В 1926 г. в этой серии вышла первая часть «Дневника...» (то есть первый триместр Кости Рябцева в школе) под заглавием «Гибель лорда Дальтона». Цитируемое письмо Кости должно было появиться при публикации в той же серии второй части — «Разгром капустника». Но она вышла в «Огоньке» лишь в 1928 г. и без предисловия.

² Это вступление также не было опубликовано.

³ Если перевести на современный язык, — адвокатом, которому разрешено вести практику в 11 центральных губерниях России.

⁴ Стоит сказать несколько слов про каждого из родных братьев Н. Огнева: их занятия часто пересекались, братья явно влияли друг на друга. Самый старший, Николай

Розанов (род. в 1886 г.) стал крупным советским ученым-ихтиологом. Брат Иван (1890–1975) — известным педагогом-экспериментатором. В 1910-х гг. он занимался теорией трудового воспитания и детского самоуправления вместе с С. Т. Шацким и обществом «Сетлемент». В 1920-х гг. он работал на 1-й опытной станции по народному образованию под началом того же Шацкого и заведовал детской колонией. Про брата Леонида (род. в 1892 г.) сведения обрывочные: судя по всему, он занимался примерно тем же, что и его братья, но с меньшим успехом: вращался в литературных кругах, близких к тем, к которым принадлежал Огнев, немного занимался педагогикой и детским театром. Наконец, самый младший (и самый известный) из родных братьев Огнева, Сергей Розанов, стал специалистом по эстетическому воспитанию детей, театральным режиссером (он был первым мужем Натальи Сац, Московский детский театр они создавали вместе) и детским писателем — автором популярной повести «Приключения Травки».

⁵ Общество «Сетлемент» было создано педагогом Станиславом Теофиловичем Шацким по образцу одноименного движения в Англии и США (русский вариант названия происходит от английского “settlement movement”). И на Западе, и в России задачами «Сетлемент» были обучение и организация досуга детей бедняков и рабочих; занимались этим обычно представители обеспеченных классов и интеллигенции на волонтерских началах. Основой движения были клубы — специально оборудованные помещения, в которых дети могли с пользой проводить время: общаться, учиться, развлекаться. Одной из особенностей «Сетлемент» была высокая самостоятельность детей: в клубах они пользовались большой свободой и за многое отвечали сами, в том числе вырабатывали правила клубной жизни, организовывали досуг, заботились друг о друге и о помещении.

Здание московского клуба «Детский труд и отдых», в котором поместился российский «Сетлемент», было специально спроектировано архитектором и педагогом А. У. Зеленко. Оно должно было отвечать потребностям и эстетическим вкусам самих детей. Внутри помещались детский сад, начальная школа, ремесленное училище. Всего клуб в Вадковском переулке (здание которого сохранилось до сих пор) принимал до 200 человек. В 1908 г. общество «Сетлемент» было закрыто полицией за «пропаганду социализма среди детей».

⁶ Точных сведений о политических взглядах М. Г. Розанова того времени не сохранилось. Сравн. с биографией из Литературной энциклопедии 1934 г.: «Участвовал в революционном движении, подвергался арестам, но к определенной политической партии не принадлежал» [Бочачер 1934, с. 233].

⁷ Михаила Розанова арестовывают в октябре 1906. Несколько месяцев он проводит в Мясницком полицейском доме, где сидят в основном политические заключенные и царят вольные порядки. Там он издает екустарные журналы «Решетка» и «Полицаймейстер». В 1907 г. он сбегает из тюрьмы в Финляндию «для подготовки к революционной деятельности», но по возвращению его снова арестовывают и приговаривают к году одиночного заключения в Бутырской тюрьме. Но и одиночная камера не становится преградой для занятий журналистикой: вместе с Н. С. Каржанским Розанов выпускает юмористический журнал «Гудок» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 6; Ф. 370. Оп. 1. Д. 115].

⁸ Одним из таких «никому не известных» был, например, будетлянин Велимир Хлебников, дебютировавший в печати именно в «Весне».

⁹ Точных подтверждений найти пока не удалось, но с большой долей вероятности можно предположить, что это педагог и детская писательница Елизавета Александровна Кирпичникова, дочь филолога и историка литературы А. И. Кирпичникова. В 1900-х гг. Елизавета Александровна содержала гимназию на улице Знаменка.

Это было одно из самых либеральных учебных заведений в стране, единственное в Москве, где практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек.

¹⁰ Покровско-Рубцовская профтехтехническая школа давала профессию молодым людям, не достаточно способным для обучения в школе II ступени.

¹¹ Судя по описанию, имеется в виду главный дом усадьбы, отреставрированный в конце XIX в. Ф. Шехтелем.

¹² Этот рассказ, очевидно, написан об «Искре»: под церковью имеется в виду Ново-Иерусалимский храм, антенну в школе устанавливал упоминавшийся выше Александр Максимович Зайцев [Зайцев 1923, с. 122–132]. Одна из искровских стенгазет называлась «Антенна», явно в честь этого достижения.

¹³ В архивах Огнева можно найти черновики возмущенной поэмы-пасквиля о травле А. Воронского Л. Авербахом [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–6, 11–12]. В черновике автобиографии 1925 г. Огнев также порицает А. Безыменского: «Безыменский не классово, а литературно неграмотен, когда он нападает на Воронского. Это тоже самое, что ругать (лягать) Троцкого — только потому, что он в партийной опале» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 10].

¹⁴ Вставные рассказы «Испытание железом» и «Диалектика жизни» написаны самим Огневым и явно намеренно копируют журнальную беллетристику 1920-х гг. Тем не менее, Огнев издавал их и отдельными произведениями, например, в сборнике «Комсомольцы» 1933 г.

¹⁵ Интересно, что «борьба» персонажей за главенство в сюжете отразится в вариативности заглавия. В 1929 г. книга выходит дважды: в одном варианте под заглавием «Исход Никпетожа» [Огнев 1929а], в другом — «Костя Рябцев в вузе» [Огнев 1929б]. Впрочем, сам писатель придерживался первого, второе чаще появлялось в переводах.

Источники

- Белый А.* На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989.
- Зайцев А.* Применение радио в школе // Вестник просвещения. 1923. № 5–6. С. 122–132.
- Заламбани М.* Литература факта. От авангарда к соцреализму. СПб.: Академический проект, 2006.
- Замошкин Н.* Изобилие эпохи // Новый мир. 1927. № 6. С. 174–180.
- Истринская земля / А. А. Зилов [и др.]; ред. Л. В. Гладков. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 554–566.
- Кирпичникова Е.* Загородная школа «Искра» // Трудовая школа. Бюллетени отдела народного просвещения М. С. Р. Д. 1919. № 7–8. С. 62–65.
- Кирпичникова Е.* История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени // Вестник просвещения. 1922. № 8. С. 73–97.
- Кирпичникова Е.* Далтонский план и школа II-ой ступени // Вестник просвещения. 1923. № 7–8. С. 98–110.
- Бочачер М.* Огнев Николай // Литературная энциклопедия. Т. 8. М.: 1934. С. 233–236.
- Огнев Н.* Дело о мертвеце // Советский рассказ 20–30-х годов. М.: Правда, 1990. С. 390–404.
- Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева // Красная новь. 1926. № 8. С. 167–193.
- Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. М.: Молодая гвардия, 1927.
- Огнев Н.* Из песен о правде. Норвежская легенда // Правда Божия. 1906. 26 января.
- Огнев Н.* Исход Никпетожа: Дневник Кости Рябцева. Книга вторая // Собрание сочинений. Т. 4. М.: Федерация, 1929а.

- Огнев Н.* Костя воюет // Столичная молва. 1913а. 13 августа.
- Огнев Н.* Костя Рябцев в вузе: Продолжение нашумевшей книги «Дневник Кости Рябцева». Рига: Грамату другс, 1929б.
- Огнев Н.* Курсиане // Столичная молва. 1913б. 30 сентября.
- Огнев Н.* Рассказы. М.-Л.: Круг, 1925.
- Огнев Н.* Три измерения. М: Государственное издательство художественной литературы, 1933.
- Огнев Н.* Только через массу // Писатели об искусстве и о себе: сборник статей № 1. М.-Л.: Круг, 1924. С. 149–164.
- Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков/под ред. Вл. Лидина. М: «Соврем. проблемы» Н. А. Столляр, 1926. С. 215–216.
- Фиш Г. Н.* Огнев. Дневник Кости Рябцева // Звезда. 1927. № 7. С. 167.

Исследования

- Белая Г.* Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004.
- Бернштейн И., Дименштейн Р.* «...И над ними тенью бродит оголтелый лорд Дальтон». Педагогические эксперименты 1920-х годов // Огнев Н. «Дневник Кости Рябцева». М.: «Тервинф», 2012. С. 212–216.
- Добренко Е.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.
- Заламбани М.* Литература факта. От авангарда к соцреализму. СПб.: Академический проект, 2006.
- Маллямова Э.* Формирование гуманистических ценностей воспитания у студентов на примере «сельских воспитательных общин» Г. Литца // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2006. С. 170–172.
- Рожков А.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Федорова Н.* Самоуправление в советской школе (20-е — 30-е годы XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. С. 109–116.
- Чудакова М.* Литература советского прошлого // Избранные работы. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind. Writing a Diary Under Stalin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.